

УДК 572:94
ББК 28.7+63
Б43

Белл, Алекс.
Б43 Номо sapiens. История человечества: кратко и увлекательно / Алекс Белл. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-213051-9

Как зародилось человечество?

Вопрос происхождения Номо sapiens порождает споры среди ученых вот уже много лет. Откуда у нашего предка появилась мысль, что оседлая жизнь лучше кочевой?

Как происходила селекция растений, когда не было даже такого слова — «генетика»?

Хоть на многие вопросы однозначных ответов нет и сегодня, в этой книге вы узнаете о разных теориях зарождения нашего вида, а также об историческом и культурном развитии величайших цивилизаций мира.

УДК 572:94
ББК 28.7+63

ISBN 978-5-04-213051-9

© Алекс Белл, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Откуда мы появились	7
Глава 2. Человеческий разум: чудо или эволюция?	26
Глава 3. Почему нам пришлось заняться земледелием . .	44
Глава 4. Первая цивилизация. История заговорила	63
Глава 5. Сказка наяву — страна фараонов и пирамид	79
Глава 6. Восточные деспотии: Вавилон, Ассирия и другие	101
Глава 7. Иудея — колыбель трех великих религий	122
Глава 8. Древняя Греция — первая настоящая Европа.	137
Глава 9. Pax Romana — величайшая империя в истории.	162
Глава 10. Конец Античности — логичный или случайный?	185
Глава 11. Тем временем, за океаном	207
Глава 12. Римляне из Византии	233
Глава 13. Раннее темное Средневековье — что это было	253
Глава 14. Краткая история Поднебесной	277
Глава 15. Красочный средневековый Восток	302
Глава 16. Чего хотели монголы	322

Глава 17. Позднее Средневековье — прогресс или кризис?	341
Глава 18. Чудо и загадка Ренессанса.	368
Глава 19. Европа воспрянула ото сна	391
Глава 20. Сказочная Индия	413
Глава 21. Столетие прогресса и войн	439
Глава 22. Колонизация Запада, рождение нового лидера.	464
Глава 23. Переход к современности	486

Предисловие

О всемирной истории написано, вероятно, больше, чем о любой другой теме. Зачем нужна еще одна книга? С каждым десятилетием с новыми открытиями всемирная история открывается нам все ярче и многограннее. Те акценты, которые расставляли в ней выдающиеся исследователи и признанные историки еще полвека назад, теперь, в свете большого количества постоянно появляющихся все новых подробностей событий и археологических находок, кажутся отчасти устаревшими: если не ошибочными, то порой слишком односторонними.

И дело здесь не только в открытиях. Важно то, что человечество, пройдя за последние сто лет более впечатляющий технологический путь, чем за все предыдущие века, иначе взглянуло и на собственную историю. Многие вехи прошлого, которые казались важными, ключевыми, теперь выглядят рутинными событиями; а чрезвычайное значение других становится очевидным лишь спустя много лет. То, что Колумб открыл Новый Свет, стало понятно лишь спустя десятилетия (сам он умер, не узнав об этом: был уверен, что открыл лишь западный путь в Индию). Небольшой галеон «Мейфлауэр» с сотней бедных переселенцев на борту, отплывший в 1620 году из Англии в сторону Америки, не привлек никакого внимания современников. Но из крошечной колонии, основанной этой горсткой людей, образовалась самая могущественная страна XX века.

Автор этих строк не является профессиональным историком, не претендует на лавры скрупулезного научного исследования.

Но в этом и заключается главная ценность данной книги. Когда читаешь сотни научных трудов историков, нередко кажется, что они написаны для других историков, а не для обычных читателей. Для которых стиль, образность, легкость и ясность, внутренняя логика повествования, акценты на важности исторических событий в контексте именно сегодняшней жизни важнее безупречной, но сухой и скучноватой академической полноты.

Задача книги иная. Мне бы хотелось, чтобы вдумчивые и любознательные читатели могли пройти по почти необозримому ландшафту мировой истории как через яркое, захватывающее приключение. Факты, представленные в книге, тщательно проверены. Но я постараюсь, чтобы бесчисленные ссылки на точные даты, имена, перечни событий, которыми изобилуют традиционные исторические книги, не досаждали вам уж очень сильно; не мешали увидеть общую картину и логику событий, почувствовать их атмосферу. Одним словом, не уменьшали удовольствия от знакомства с одним из самых интересных предметов на свете.

Перед вами — краткая история того, как образовался окружающий нас сегодня мир, где знакомые и привычные всем нам явления берут свои истоки.

Устраивайтесь поудобнее: мы начинаем!

Глава 1

ОТКУДА МЫ ПОЯВИЛИСЬ

Место: Восточная Африка (современные Танзания, Кения, Эфиопия)

Время: более миллиона лет до нашей эры

Любое путешествие начинается в каком-то определенном месте.

Какое множество загадок (в том числе до сих пор не разгаданных) ни таила бы в себе человеческая история, место и время, от которых мы можем начинать рассказ о ней, известны более-менее точно. В историческом масштабе, разумеется.

Креационисты (те, кто верят в то, что человека и природу создал Бог, и очень быстро) и сторонники научной теории эволюции имеют совершенно разные взгляды на происхождение вида *Homo sapiens*. Согласно Книге Бытия из Ветхого Завета (священной книге иудеев и христиан), Господь, верховный Творец всего Сущего, создал мир из пустоты за шесть дней. Человек, в частности, был сотворен Им в последний, шестой день, вместе со «зверями земными и скотом», причем сразу, в неизменном виде, и «по образу и подобию Божьему». Логически из этих слов можно заключить, что, согласно религиям, человек богоподобен внешне; а прогресс и восхождение к своему Творцу духовно и интеллектуально — есть сверхзадача и смысл бытия всего человеческого рода. Кроме того, Господь, как утверждает Библия, вначале остался полностью доволен своим творением.

Теория эволюции, впервые сформулированная британским исследователем Чарльзом Дарвином в середине XIX века,

предполагает, что человек, будучи лишь одним из множества биологических видов, населяющих нашу планету, сформировался постепенно, в течение нескольких миллионов лет. Стал плодом долгого естественного отбора, под влиянием огромного количества случайных обстоятельств, связанных со средой его обитания, ее изменениями, климатом, и другими. Теория эволюции представляет весь путь развития животного мира Земли как процесс постоянного слепого отбора наиболее удачных мутаций, позволяющих существам разных видов приспособиться к окружающей среде. Самые «полезные» мутации позволяют своим носителям лучше выживать и давать более многочисленное потомство, закрепляя, таким образом, эти мутации в генетическом коде, передающемся, как эстафетная палочка, от поколения к поколению уже два миллиарда лет.

Современная биология признает теорию эволюции как доказанную и соответствующую самому большому количеству и уже известных, и все новых открывающихся фактов. Со времен Дарвина, когда его теория эволюции казалась многим лишь смелой, внутренне логичной, но все же во многом умозрительной гипотезой (ведь эволюционные изменения видов происходят медленно: десятки тысяч и даже миллионы лет, поэтому их нельзя точно воспроизвести в пробирке или лаборатории), биология к нашему времени прошла очень длинный путь. Абсолютное большинство ученых согласны с тем, что все, или почти все факты, открытые наукой за полтора столетия активных исследований со времен Дарвина, не опровергают, а убедительно подтверждают то, что ученый-британец был прав в основных положениях своей теории.

Нельзя сказать в то же время, что у Дарвина даже сегодня нет противников. Напротив, их весьма много, и они тоже (в этом месте я рискую навлечь на себя ярость биологов!) часто далеко не самые глупые люди. По их мнению, теория эволюции есть некий догмат, религиозная икона, которой отчасти «слепо» поклоняются ученые, упорно не желая замечать ее очевидные, с их точки зрения, проблемы, пробелы и «несоответствие» ряду

наблюдаемых явлений природы. Впрочем, оспаривание или подтверждение теории эволюции не является темой данной книги. Стоит лишь отметить, что критика и оппонирование любой, даже самой общепризнанной научной теории (если критика не голословна) полезна для дальнейшего развития и уточнения этой теории.

Можно ли найти нечто общее в столь разных, казалось бы, почти противоположных теориях происхождения человека, как «разумное творение» и «слепой естественный отбор»? Интересно, что такие попытки делаются. Работы, авторы которых с разных сторон пытались «примирить Бога и эволюцию», стали появляться почти сразу после публикации труда Дарвина. В середине XX века тон в таких исследованиях неожиданно задала прежде ультраконсервативная католическая церковь, отцы которой, включая нескольких римских пап, призвали признать правоту положений учения Дарвина, но указывая на необходимость их соединения с основами христианской веры. Аргументов к примирению приводилось множество. Например, то, что «сотворение мира Богом в 6 дней» следует понимать метафорически (о чем-то похожем писал еще христианский мыслитель Блаженный Августин полторы тысячи лет назад). Каждый библейский «день» сотворения мира условно соответствует эпохе длиной в сотни миллионов лет. При этом сама последовательность событий, описанных в Книге Бытия, не сильно разнится с научной: разве что выглядит сжатой и намеренно упрощенной для понимания средневековыми читателями Библии. Процесс долгой эволюции, с точки зрения «примирителей», происходил не случайным образом, а под чутким руководством Творца, с той великой целью, чтобы в конце этой цепи непременно оказался Человек Разумный: единственное известное нам существо во Вселенной, обладающее абстрактным мышлением и стремлением к всестороннему познанию окружающего мира.

Автор этих строк является христианином и не видит глубинных противоречий между религиозным и научным взглядами

на мир. Более того, современная наука по мере своего развития наталкивается на все большее количество фундаментально трудно разрешимых проблем, что может указывать на наличие объективных пределов возможностей человеческого разума. А если сила разума ограничена самой Природой, то его носители вряд ли могут настаивать на отсутствии во Вселенной высших, неведомых им материй (которые могут быть названы и божественными: в зависимости от того, кто и что вкладывает в это понятие).

И все же на сегодня подавляющее количество научных, археологических и биологических фактов указывают на то, что теория эволюционного развития живых организмов как минимум в основных чертах (оставим пока религию в стороне) является верной. В нашем удивительном путешествии по волнам человеческой истории мы будем, безусловно, отталкиваться от нее.

Следует помнить также, что антропология (наука о происхождении человека) — вовсе не «застывшая», а, напротив, одна из наиболее бурно развивающихся дисциплин биологии. Все новые находки костей древних людей и их орудий разных эпох и еще в большей степени — активные генетические исследования (методы которых возникли недавно, но уже сейчас дают огромное количество полезных данных) едва ли не ежегодно вносят заметные корректировки в наше понимание хода человеческой эволюции. Это обогащение наших знаний, судя по всему, будет продолжаться еще очень долго.

Итак, первая сцена нашей великой повести. Время — около 4 миллионов лет до нашей эры.

Если вам посчастливилось бывать в знаменитых национальных парках Кении и Танзании, вы хорошо представляете себе местную *саванну*: большие пространства, покрытые в основном не очень высокой травянистой растительностью с островками густого кустарника и участками тропического леса. Температура вблизи экватора относительно стабильна круглый год: от плюс двадцати до плюс сорока градусов: нет ни холодов, ни чрезмер-

но удушающей, как в пустыне, жары. Засушливое время года длится 6–8 месяцев; период обильных дождей (которого с нетерпением ждет вся местная фауна) — 2–3 месяца. Животный мир очень разнообразен даже сейчас. Миллионы же лет назад количество видов обитавших здесь крупных животных было вдвое или даже втрое больше нынешнего. Пищи — вдоволь для всех, но и конкуренция за нее чрезвычайно высока. Саванны с ровным влажным климатом, бывшие идеальной средой для жизни крупных приматов, имелись и в других частях света: на юге Африки, на востоке Австралии, в Южной Америке. Почему колыбелью цивилизации стала именно Восточная Африка, можно только догадываться.

Выбранная дата начала истории Номо — условна. Согласно современным представлениям, у человека и других крупных обезьян-приматов был один общий предок, появившийся на Земле около 15 миллионов лет назад (разумеется, сам этот предок уже давно вымер). Потомки этого вида, знакомые нам как гориллы, отделились от него, пойдя своим путем эволюции, около 9 миллионов лет назад; шимпанзе — 6–7 миллионов лет назад. Самый близкий к нам генетически из всех ныне существующих видов животных — обезьяны бонобо, или, как их реже называют, карликовые шимпанзе, обитающие теперь лишь в труднодоступных тропических джунглях Конго, отделились от нас последними: 4–5 миллионов лет назад.

Отметим примечательный факт: несмотря на чрезвычайно схожую генетику, наши ближайшие родственники — шимпанзе и бонобо — пошли в своем социальном развитии разными, почти противоположными путями. Шимпанзе — воинственный, агрессивный и физически очень сильный (несмотря на средние размеры) вид обезьян. Самец шимпанзе, хоть и достигающий в приседе лишь до пояса взрослому мужчине, на самом деле — гора мышц, раз в пять сильнее атлета-олимпийца. Стаи шимпанзе основаны на строгой субординации сверху донизу, большая часть конфликтов в них решается силой, самки почти беспрекословно подчиняются альфа-самцам. Когда две разные

стаи шимпанзе в тропическом лесу вступают в спор за территорию, чаще всего он разрешается ужасным кровавым побоищем с немалым количеством жертв. В противоположность этому, бонобо — самый спокойный, мирный вид приматов. Хотя размерами они похожи на шимпанзе, но физически в разы уступают им; агрессия и вовсе для них нехарактерна. Во многих стаях бонобо царит матриархат; «мудрые» возрастные самки поддерживают разумный баланс отношений между всеми членами своей стаи. Больше всего на свете бонобо любят часами напролет заниматься сексом, причем (что редкость для животного мира) не столько для деторождения, сколько просто ради удовольствия. Лозунг хиппи шестидесятых «занимайтесь любовью, а не войной» словно заимствован из уклада жизни бонобо. Даже черты «лиц» этих двух видов обезьян разные: округлые и как будто немного удивленные у бонобо; острые, с резко очерченными скулами, выступающими мощными зубами и напряженным взглядом исподлобья у шимпанзе. Вероятно, столь мирная популяция вряд ли выжила бы в условиях борьбы с куда более мощными видами приматов. К счастью, ареал их естественного обитания в глубине джунглей Конго по ряду причин не подходит ни гориллам, ни шимпанзе, благодаря чему бонобо выжили и вполне здравствуют там.

Этот пример говорит нам о том, что дальнейшая «самостоятельная» эволюция человека могла пойти по какому угодно пути. И хотя разные группы предков людей, безусловно, вели различный образ жизни, в зависимости от среды обитания, мы имеем больше фактов, свидетельствующих, что по характеру они были скорее мирными, чем чрезмерно агрессивными; нацеленными на сотрудничество и взаимопомощь, чем на беспрестанные конфликты (хотя и не всегда, конечно).

Так что же именно произошло в восточноафриканской саванне 4 миллиона лет назад?

По правде говоря, ничего особенного. Примерно в это время (а может, на миллион лет раньше или позже: точные даты в антропологии оспариваются, смещаются вперед-назад из-за

новых находок, и вообще приблизительны, так как эволюция развивается не ровно, а скорее скачками) одним из распространенных видов приматов восточноафриканской саванны стали существа, которых мы теперь называем *австралопитеками*. К Австралии они, конечно, никакого отношения не имеют. Произошло смешение двух слов из разных языков: «аустралис» — «южный» на латыни и «питекс», по-гречески «обезьяна». Этот вид обитал не южнее других своих сородичей; да и обезьяной он был уже не вполне, однако устоялось именно такое название.

Мозг австралопитеков был такой же по объему, как у шимпанзе, а размерами тела они им даже уступали. Австралопитеки той эпохи крайне редко пользовались камнями и палками для охоты, а до овладения огнем им было невообразимо далеко. В сущности, если бы мы сегодня увидели это небольшое, весьма осторожное и пугливое животное в зоопарке или на сафари, то сочли бы его за обычный вид обезьян, а мысль о том, что это самый древний наш предок, нас сильно удивила бы.

И все же в этих обезьянах было нечто новое.

Вероятно, вам не раз приходилось встречать в литературе или просто слышать известный термин «недостающее звено». Именно оно во времена Дарвина, и даже многие годы после, было, пожалуй, главным аргументом противников теории «происхождения человека от обезьяны». Вот древние приматы, животные, не имеющие ничего общего с нами, говорили адепты этого возражения, а вот скелет уже почти «готового», похожего на современного, пусть и пока живущего в пещере и охотящегося с дубиной на мамонтов человека. А где же переходное между ними звено? И в самом деле, во времена Дарвина о переходных видах человека ничего не было известно.

Данный аргумент давно и безнадежно устарел. На сегодня найдены сотни, если не тысячи, останков древних людей самых разных эпох, физиологическое строение которых изменялось медленно, поэтапно и достаточно «логично» (хоть и не без «белых пятен»). Но на этом долгом пути была одна находка,

которую многие антропологи до сих пор считают самой важной за всю историю этой науки.

Если вам доведется побывать в Эфиопии — колоритной, богатой достопримечательностями стране, обязательно зайдите в национальный музей в ее столице, Аддис-Абебе. В одном из его небольших залов под стеклом хранится легендарный экспонат, внешне, говоря откровенно, не слишком броский: разложенные косточки в форме тела небольшой обезьяны. На человеческий скелет эти останки совсем не похожи: характерный череп обезьяны, фрагменты костей короткого позвоночника, кости маленьких рук и ног. Скелет не полный: не все кости существа были найдены.

Перед вами — знаменитая «Люси» (названная с юмором в честь психоделической песни «Битлз»). Группа ученых-антропологов, работавшая в долине реки на юге Эфиопии в начале 1970-х годов, наткнулась на множество скелетных останков необыкновенно древних «людей». Самый полный из скелетов принадлежал взрослой самке ростом около метра и весом при жизни не более тридцати килограммов. Как показали исследования, самка погибла от падения с приличной высоты (вероятно, упала с гребня холма, пытаясь убежать от хищников). Радиоуглеродный анализ показал ее возраст — около трех миллионов лет. Это был первый в истории найденный почти целый скелет нашего столь древнего предка, что стало сенсацией. С момента этой находки, примерно полвека назад, вопрос о «недостающем звене» был окончательно снят с научной повестки дня.

Что же было необычного в не похожих на нас и слабо интеллектуально развитых австралопитеках? Что выделяло их из длинного ряда других видов приматов того времени?

Они впервые попытались встать на две ноги. Поначалу именно пытались. Ранние особи этого вида все еще вполне естественно передвигались также и на четырех лапах, как и все обезьяны. Кроме того, как можно легко заметить в зоопарках, некоторые нынешние обезьяны (шимпанзе, павианы и другие)

могут без всяких проблем при необходимости встать на задние лапы, уверенно и естественно сохраняя в такой позе равновесие некоторое время (например, выпрашивая банан у водителя машины или как жест устрашения соперника). Ранние австралопитеки ходили на двух задних ногах не все время, а лишь при необходимости, при этом сильно сутулясь, буквально вжимая голову в плечи. И все же это было нечто совершенно новое. Поздние австралопитеки (этот вид сначала разделился на несколько ветвей, затем все его подвиды вымерли полтора-два миллиона лет назад, но, к счастью, успели передать свои гены новому, более близкому к нам виду), судя по их останкам, ходили на двух ногах уже намного увереннее и почти все время (Люси в их числе). Кроме того, они впервые стали осуществлять самые примитивные действия с помощью камня с заточенным краем: дробили кости, разрезали им шкуры.

Почему австралопитек встал на две ноги? Точно не из любопытства: были важные эволюционные причины, иначе быть не может. Но какие именно причины? Существуют обоснованные, серьезные научные гипотезы, но все равно — это лишь предположения.

Прежде чем анализировать эти причины, стоит вспомнить то, что процесс «выпрямления походки» был отнюдь не одномоментным. Он занял от 1 до 2 миллионов лет: иными словами — десятки тысяч поколений. Промежуток времени между постройкой египетских пирамид до полета человека в космос был в двести раз короче того удивительного «мгновенья», когда первый «человек» (скорее, все еще обезьяна) спрыгнул с дерева и пошел гулять по саванне.

Самая распространенная и, возможно, отчасти верная теория состоит в том, что как раз 3–4 миллиона лет назад наблюдалось климатическое похолодание; тропические леса уступили место открытой саванне. Примерно тогда же в Африке вымерли ряд крупных, опасных видов хищников (саблезубые тигры и другие), что облегчило выживание небольших групп австралопитеков. Зоной их обитания стала граница леса и открытой

саванны. Прямохождение позволяло им совершать действия, недоступные до сих пор: например, стоя обозревать саванну; двигаться хоть и немного медленнее, но зато на значительно большие расстояния. Самки могли переносить детей в руках, а не на спине, как обезьяны; на двух ногах было удобнее переходить неглубокие реки. К сожалению, эта теория отчасти умозрительна и не дает ответа на вопрос, почему на задние лапы одновременно с нами не встали другие, очень близкие к австралопитекам генетически, физиологически и по образу жизни приматы той же эпохи (шимпанзе, гиббоны, павианы), которые, как показывают раскопки, водились тогда в тех же самых местах; а значит, сталкивались с точно такими же жизненными проблемами. Возможно, дело было в какой-то неизвестной нам случайности, особой мутации генов, «поддержанной» естественным отбором древних людей, но «отбракованной» всеми другими близкими к ним видами обезьян (такое теория эволюции допускает).

Еще одна известная и популярная теория развития прямохождения первых людей (о ней писали даже классики марксизма): освобождение рук для полезного труда. Согласно этому, древние люди стали изготавливать каменные инструменты для обработки пищи, а также для охоты. Звучит убедительно и логично. Но, увы, не соответствует имеющимся археологическим фактам. Австралопитеки, судя по форме и состоянию зубов, почти не потребляли мяса, а значит, редко или вообще никогда не охотились: их рацион состоял из растений, фруктов, корней, насекомых, которых они подолгу и тщательно разжевывали. Видимо, не брезговали они и падалью (как минимум раскалывали и выедали кости, оставшиеся после хищников и гиен). Что касается каменных орудий труда, то первые такие простейшие артефакты относятся ко времени, когда австралопитеки были очень зрелым видом, близким к окончательному вымиранию. Значит, первые миллионы лет (та же Люси) они уже ходили прямо, но еще явно не делая руками чего-то полезного.